

Д.МЕРЕЖКОВСКИЙ О ПУШКИНЕ

Интерес к художественному и литературно-критическому наследию Д. Мережковского в наши дни очень велик и закономерен, поскольку исследование его произведений и теоретических работ в полном объеме стало возможным сравнительно недавно (с 90-х годов). Литературно-критический очерк «Пушкин» был впервые опубликован в 1897 году и явился заключительной частью книги «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы», которая переиздавалась в начале XX века несколько раз. В то время ее появление вызвало многочисленные оценки в литературной критике (Спасович В.Д., Никольский Б.В., Скабичевский А.М. и др.). Так как книга имеет откровенно полемический характер (автор выступает против «утилитарной», «некультурной» критики, имея в виду Добролюбова, Чернышевского и Писарева), то и отзывы о ней были разными: и доброжелательными, и скептическими. В дальнейшем «Вечные спутники», как и другие произведения этого крупнейшего прозаика, поэта, религиозного философа и эстетика литературы периода Серебряного века, долгое время находилась под спудом запрета и забвения.

В чем значение литературно-критических очерков Д. Мережковского в наши дни? Важны основы методологии (субъективно-психологический подход), тонкие наблюдения, оригинальные мысли и обобщения. Но самое главное, на что обратил внимание еще А. Блок в 1906 году, восторженно откликнувшись на переиздание очерка «Пушкин» - это большая смелость истинного писателя, который берется судить о Пушкине как человеку и в то же время как о великом явлении мировой культуры, не боясь критики в свой адрес. Он хочет быть услышанным, ему свойственно чувство ответственности за «каждое слово и мысль свою». [1, с.635] Следуя совету А. Блока, попробуем вникнуть «в обдуманый и сдержанный стиль, в постоянные обобщения, иногда чуть

парадоксальные, но всегда глубоко серьезные», попытаемся «услышать, *о чем и как* он говорит?» [1, с.636].

Д. Мережковский явился одним из первых в XX веке, кто обосновал право на свое собственное, глубоко личностное восприятие облика Пушкина. В предисловии так определяется задача автора: «Прежде всего желал бы он (автор) показать за книгой живую душу писателя – своеобразную, единственную, никогда более не повторявшуюся форму бытия; затем изобразить действие этой души – иногда отделенной от нас веками и народами, но более близкой, чем те, среди кого мы живем, - на ум, волю, сердце, на всю внутреннюю жизнь критика как представителя известного поколения» [2, с.11].

Что касается первой части этого высказывания. Интересно, что в своих суждениях о Пушкине как человеке он часто ссылается на воспоминания А.О. Смирновой-Россет, в которых подчеркивается его простота в общении, веселость, неистощимая живость ума, отсутствие литературного тщеславия. «Он работает над формой, гранит ее, как драгоценный камень. Но когда стихотворение кончено, не придает ему особенной важности, мало заботится о том, что скажут оценщики. Искусство для него – вечная игра. Он лелеет неуловимые звуки – неписанные строки. Поверхностным людям, привыкшим воображать себе гения в торжественном ореоле, такое отношение к искусству кажется легкомысленным. Но людей, знавших ум и сердце Пушкина, эта детская простота очаровывает» [3, с.90]. В то же время писатель солидарен со своей предшественницей, которая видит в Пушкине великого мыслителя, рассуждающего «о мировой поэзии, о философии, о религии, о судьбах России, о прошлом и будущем человечества» [3, с.82]. Ему импонирует взгляд на поэта, в творчестве которого проявляется «веселая», «светлая» мудрость, заключающаяся в героическом приятии сложных противоречий жизни и смерти. «Пушкин как мыслитель хорошо сознавал эту необходимость спокойствия во всяком творчестве» [3, с.89].

Что касается второй части высказывания. Пушкин, по мысли Мережковского, был центральной фигурой русского религиозного возрождения.

Природа гения Пушкина такова, что в его поэзии соединились языческий и христианский элементы, он преодолел разлад веры и знания и впитал в себя народную культуру. «Поэзия Пушкина представляет собою редкое во всемирной литературе, а в русской единственное, явление гармонического сочетания, равновесия двух начал...» [3, с.111]. По мнению Мережковского – это «новый мистицизм как отречение от своего *я* в Боге и язычества как обожествления своего *я* в героизме» [3, с.135]. В его творчестве царит простота, ясность, красота, свойственная древним грекам (в частности, Гомеру). Подчеркивая силу мысли Пушкина, Мережковский анализирует многие произведения поэта («Кавказский пленник», «Цыганы», «Евгений Онегин», «Полтава», «Медный всадник» и др.) и проводит аналогии с героями Гете, Байрона, Лермонтова, Достоевского. Он рассматривает эти произведения с точки зрения «вечной противоположности культурного и первобытного человека» [3, с.95] и в контексте предшествующей и последующей мировой литературы.

Писатель размышляет о трагической судьбе поэта. «Может быть, во всей русской истории нет более горестной и знаменательной трагедии, чем жизнь и смерть Пушкина» [3, с.84]. Русская действительность не была готова к восприятию гения, и вся его жизнь – это борьба, столкновение с варварством. Пошлая среда, светская чернь, не способная к постижению его поэзии – все это вело к духовной изоляции. «Смерть Пушкина – не простая случайность. Драма с женою, очаровательною Nathalie, и ее милыми родственниками – не что иное, как в усиленном виде драма всей его жизни: борьба гения с варварским отечеством. Пуля Дантеса только довершила то, к чему постепенно и неминуемо вела Пушкина русская действительность. Он погиб, потому что ему некуда было дальше идти, некуда расти. С каждым шагом вперед к просветлению, возвращаясь к сердцу народа, все более отрывался он от так называемого «интеллигентного» общества, становился все более одиноким и враждебным тогдашнему среднему русскому человеку» [3, с.84]. Именно «героическую сторону в мирозерцании» поэта Мережковский обнаруживает в способности его в таких условиях сохранить

и сберечь свою «высшую свободу», не идя на поводу ни у толпы, ни у власть предержащих («Никому отчета не давать...»), выполнить свою высокую миссию во что бы то ни стало. Размышляя об этом, писатель неоднократно обращается к прекрасным строкам стихотворений Пушкина («Пророк», «Чернь», «Поэт, не дорожи любовью народной» и др.).

Нам видится очень важным следующее обобщение Д. Мережковского. При всем том, что Пушкин был «начинателем русского просвещения», но «вся последующая история русской литературы есть история довольно робкой и малодушной борьбы за пушкинскую культуру с нахлынувшей волною демократического варварства, история могущественного, но одностороннего воплощения его идеалов, медленного угасания, падения, смерти Пушкина в русской литературе». [3, с.82-83] Все писатели и поэты после Пушкина – Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Гончаров, Л.Толстой и Достоевский восприняли одну, христианскую сторону в искусстве, отвергнувшись от языческой. Тем самым они утратили, свойственную Пушкину, целостность и гармонию.

Подчеркивая уникальность вклада Пушкина в отечественную литературу, Мережковский в то же время обращает внимание на универсализм его творчества: «Способность Пушкина перевоплощаться, переноситься во все века и народы свидетельствует о могуществе его культурного гения. Всякая историческая форма жизни для него понятна и родственна, потому что он овладел, подобно Гете, первоисточниками всякой культуры» [3, с.95]. И в этом видится масштабность личности Пушкина и его неповторимость в русской литературе. Ничего подобного нет и в современной литературе, которая с точки зрения Мережковского, испытывает «невидимый ущерб - убыль пушкинского духа» [3, с.140]. Таков достаточно пессимистичный взгляд с позиции художника слова начала XX века, хотя впоследствии Н. Бердяев называл это время русским культурным ренессансом.

В современном литературоведении книга «Вечные спутники» оценивается как «образец критики «аристократической» и субъективно-психологической, а

цель Мережковского – воссоздание и осмысление облика каждого из «вечных спутников» в его неповторимых индивидуальных чертах и непреходящем значении» [4, с.20]. Однако следует отметить: декларируя принцип субъективной критики, в то же время Мережковский опирается в своих обобщениях и наблюдениях на тексты произведений Пушкина, которые он часто цитирует, на материалы переписки поэта, воспоминания современников, оценки его деятельности другими писателями XIX века (Гоголь, Достоевский, Гончаров и др.), т.е. очень последовательно аргументирует свои выводы, что присуще научному подходу в изучении литературных явлений. Особую специфику этому очерку придает то, что писатель рассматривает Пушкина сквозь призму своего видения развития человечества как вечного противоборства материи и духа, язычества и христианства. А в целом ценность этой замечательной работы Мережковского для современного человека заключается в том, что писатель постигает Пушкина не «мертвыми устами», «мертвыми лаврами» академизма, а «духом и сердцем» [3, с.139].

1. Блок, А.А. Собрание сочинений: в 8 т. / А.А. Блок. – Собрание сочинений: в 8 т. - М.-Л.: ГИХЛ, 1962. – Т.5.
2. Мережковский, Д.С. Вечные спутники. / Д.С. Мережковский. - С.-П.: Азбука-классика, 2007.
3. Мережковский, Д.С. Пушкин / Д.С. Мережковский // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX –XX век. – М.-П.: Университетская книга, 1999.
4. Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. - Т.4.